

Автор хотел бы поблагодарить Мемориальный фонд Джона Саймона Гуггенхайма и Писательский фонд Уайтинга за щедрую поддержку.

Один

500 КОМАРОВ В ЧАС

Ро у кухонной мойки яростно чистит морковь — и тут пускает первую за день кровь, и та, конечно, не метафора, а ее собственная. Внезапный цветок краски в унылом сюжете обычного дня. И вот она смотрит, как льется поперек дрожащего указательного пальца, словно бы никуда не спеша, гулкое красное стаккато в ведерко ее раковины из матированной нержавеющей стали. Какое-то время вся она — просто пара зачарованных глаз, растерянная среди фактов мгновения, и, как ни странно, уже не присутствующая для себя самой. Но чары развеиваются, порез погружается в аэрированный поток ее крана «Пьюрафло», палец оборачивается в голубое бумажное полотенце в цветочек. Концерт окончен.

Стоит поздняя пятница позднего лета в жилмассиве «Уэйкфилд», где тени длинные, а свет совершенен, и небо — фантазия кинооператора об абсолютной синеве, которая обыкновенно задерживается лишь на пленке, синяя до того, что не высится ей сводом в нечеловеческом величии над этой спроектированной общиной пастельных домов и больших приветливых деревьев.

Внутри надраенной кухни мягкий северный свет обустройства ровно, демократично, среди приборов и приспособлений, снастей и снеди, от всякого отдельного предмета — собственное пригашенное отражение уютной прочности, зачарованной легкости, изысканной гавани. Хорошо тут быть. Вновь помаргивает овощечистка, метал-

лическое лезвие — в вихре строгальщика, полоски оранжевого овощного вещества прилипли к окну над раковиной случайными крестами, словно целая коробка отчаянно наклеенных «Бэнд-эйдов». За спиной у нее обыденный перестук свежих кубиков льда, падающих в «Келвинатор», а на стойке из «Формайки» у ее локтя портативный «Сони» бесстрастно облучает ее тело неурядицами сегодняшних женщин: «МЕГЕРЫ ЗА РЕШЕТКОЙ: ДЕВУШКИ, УБИВШИЕ СВОИХ ВОЗЛЮБЛЕННЫХ». Ро едва замечает, так уж поглощена физической задачей буквально под рукой и мысленно беспощадными выводами о тщетной погоне за самоуважением, каковая составляет большую часть ее так называемого «рабочего дня». Она чуть не бросила все снова. Уже вторично за этот месяц. Что тут происходило? Накопление, думает она, и только, всего-навсего с-девя-ти-до-пяти обескураживающий прирост мелочных предательств, мелких сарказмов, пренебрежений, несправедливостей и откровенных грубостей, что собираются, как отходы, под гниющим пирсом, пока однажды гибельным утром вся рыба недохнет, купаться больше нигде, и если бы Лу не признала снайперского сужения ее глаз и не проволочла мимо ухмылки у Мики и мимо растерянной управленческой команды, она б могла попросту испустить подборку слов, медленно и тайно выросших, словно грибок за профессиональным экстерьером, который ей последние девять месяцев приходилось ретушировать чуть ли не ежечасно. То были слова разоблачения, такие побуждают к жуткому раскрытию второго «я». Они с Лу сбежали в угол кафетерия за страждущей симарубой, скверной шуткой всей компании. Чуть теплый кофе отдавал хлоркой, а абстрактная неоавангардистская литография на стене напротив отчего-то все время отчетливо неприятно напоминала Ро о физической мерзости тела. Такую мысль иметь не полагалось — она жалела, что приходится это признавать, — но, возможно, ей просто не нравится женское начальство. И Лу, недавнейшим посланием чьего парня у нее на авто-

ответчике было: «Ненавидь я тебя больше, я бы не просто тебя бросил», — мгновенно согласилась, сказав, я, дескать, тоже, раз в месяц они совершенно переходят на «Песенки с приветом»¹. Поэтому случилась хотя бы разрядка смехом. Слезы хлынули позже, когда осталась одна в кабинке дамской комнаты, единственной, как выяснилось, где нет бу маги.

Затем — опомниться, бравым солдатиком двинуться к после-пяти, к обязательной дорожной пробке, загрязненным легким и уму, к охоте за съестными припасами в местном супермаркете, где среди бойни того дня, какую она действительно переживала, катая шаткую тележку по широким надраенным проходам, — крохотная детонация чистейшего счастья. Необъяснимо откуда ни возьмись — и пропала, когда она вернулась домой, физическая комета на эллиптической орбите из той параллельной вселенной, где, похоже, обитает ее подлинная эмоциональная жизнь — та, которая хорошая. Хоть когда-нибудь начнет ли она собирать время и волю в кулак, ведь это необходимо, чтобы составить мерзейшую часть той головоломки, какую представляет собой ее существование в этом мире? Что, к черту, трудного в постижении среднего дохода, середины дороги, средненькой усредненности?

Овощи выстроились, как храбрые солдатики, на разделочной доске, хотя перцы слегка пожухли, латук бурее, чем ей помнилось, а стоит ей только попробовать нарезать помидор — пораненный палец неловко держится на весу, подальше от брызжущих соков, — как волосы спадают вперед ей прямо на лицо, загораживая обзор; она запроляет их за ухо, те выбиваются снова, слева в прошлую субботу их грубо откромсал сам Силвестер из знаменитого «Силве-

¹ «Looney Tunes» (1930–1969) — американский анимированный комедийный киносериал. — *Здесь и далее примечания переводчика. Переводчик благодарен Кари Тулиниусу и Марии Каминской за лингвистическую поддержку.*

стера», с каждым поворотом головы напоминание о некоторой фундаментальной асимметрии. В «Сони» рентгеновская лаборантка из Бедфорд-Фоллз описывает, как ее муж возвращается домой со своей сантехнической работы, уписывает стейк из пашины с вареной картошкой и устраивается перед ящиком в шифоновом платье для коктейлей, черных нейлоновых чулках и тифельках на шпильках. В рекламной паузе Ро обнаруживает, что огурцы в глубине холодильника замерзли накрепко. Есть ли время быстренько сгонять в «Еда-и-Топливо»? Часы на стене, причудливая закорючка проволоки и латуни, в какой большинство гостей даже не опознают хронометр, сообщают ей, что если она выскочит сию же минуту... но знаменитая актриса, признающаяся в том, что ее знаменитая мать постоянно лупила ее английским стеклом, отправляет Ро в незапланированную экскурсию по Музею настроения, на всех экспонатах муки совести осели густо, как пыль, даже в новейшем крыле здания, где еще не высохла краска, а таблички с описаниями безнадежно не соответствуют, и зритель — все та же жуткая фигура в черном, которой нравилось таиться под ее колыбелькой и нашептывать ужасы на языке, которого больше никто не мог понять... поэтому никаких огурцов в салате не будет, и она уверена, что Хэнны не станут возражать.

Ро поднимает взгляд проверить близнецов, и там, сразу за обляпанным морковью оконным стеклом, примечательным крупным планом — здоровенная яркая лимонно-желтая птица примостилась на кормушке в царственном уединении, и Ро смотрит, глядит на нее в упор, она не моргает, но птица пропала, трюк скверного монтажа. Поразительно. Так быстро, что дети не увидели, ну и ладно, наверное. Неизбежный раунд вопросов о домашних любимцах и клетках, свободе и смерти. Брат и сестра сидят бок о бок на корточках в песочнице, которую Уайли сколотил тем летом, когда все они ездили в Ниццу, в то место, что как на рекламе «Америкэн Экспресса», в год большого повыше-

ния, в сказочный период семейной хроники. Неотличимые светловолосые головы склонились в совещании по важному обустройству пластмассовых кубиков. Дэфни сидит, наблюдая с ближайших качелей, юношески тощее тело болтается между цепями, баскетбольные кеды на ногах у нее ослепительно белы и, очевидно, на несколько размеров больше нужного. Ее длинные темные волосы — капюшон темного пламени в продольном солнце. Она — дочка Эвери аж с Термит-террэс и, несмотря на банки, из которых арахисовая паста черпается пальцами, на пепельницы из крышечек от бутылок, скромненько засунутые под тахту, и Ро, и Уайли она нравится, оба ей доверяют, Дэфни они знают с шести лет, и совсем недавно она прошла двухнедельный курс, в котором сознательную детскую няньку учат выполнению таких необходимых задач, как купать младенца, как готовить простую еду и не устроить при этом пожар и как находить цифры 911 на дисковом либо кнопочном телефоне. И к тому же девочка, по крайней мере для Ро, — трогательная факсимильная копия ее собственного таинственного отрочества, расстояние до которого у нее меняется чуть ли не ежедневно, тех яростных пегих деньков, что она предпочитает — вопреки всем размышлениям — сберечь как исключительно зачарованные.

Вот Чип, видит она, отыскал треснувший водяной пистолет, который, она может поклясться, уже выбрасывала дважды, и держит розовое оружие у виска, словно стараясь расслышать нежное тиканье или рев моря. Его сестренка, вытянув руку, колотит плоской ладошкой по дну песочницы, меся свое песочное тесто в печеньки, как делает мамочка. Мгновенье, обрамленное, даже пока оно происходит, нимбом будущей ностальгии.

Она знает, что это Уайли, за миг до того, как звонит телефон. Она знает, почему он звонит. Встреча затянулась. Клиент не явился. На дорогах пробки. Ей хочется все высказать ему напрямую, но от возможности любых эмоциональных трат Ро сдувается, по-настоящему ощущает, как

тело ее проседает в стену. Прихвати огурец, говорит ему она. Свежий. И лаймов, побольше лаймов. И в кои-то веки не забудь угли. Я тебя люблю.

Пора осмотреть дом. Ну, растения нужно полить, а также стереть трехдневную поросль пыли с нескольких телевизионных экранов. На неприбранную постель Ро накидывает плед, меняет в ванной полотенца, собирает журналы Уайли — «Беспечные ездоки», «Форбс», «На наших спинах»¹ — ей никак не угнаться за его интересами, каковы бы те ни были. Гостиная бела от черной мебели, и Ро никак не может решить, нравится ли это ей в той мере, в какой вроде бы должно. Когда ушли декораторы, Уайли весь остаток дня валялся на кремовой тахте, не снимая зловещих темных очков. Даже после того, как она рассмеялась, — и дольше, нежели того требовала шутка, — и настала ночь, он их отказывался снимать. Вечно он не понимает, когда стоит остановиться. Младенчески розовый — только что из-под душа, с него текло ручьями, — он как-то раз гонялся за нею, щелкая мокрым полотенцем, по всему дому, поскользнулся в одной своей же лужице и вырубился, стукнувшись о дверцу духовки. Пришлось же тогда с ним повозиться, чтоб натянуть на него трусы до приезда санитаров.

Когда телефон звонит снова, Ро снимает трубку в свободной спальне, воздух там все еще чуть пахнет лекарствами, чуть напоминает о самой Маме. Звонит Бетти, которая сидела с нею в одном загончике во «Фляйшере и Фляйшере», пока с год назад Ро оттуда не ушла на те свежие с виду пажити ныне обезлиственной удачи. Сколько они друг дружку знали, Бетти неизменно пребывала в поиске само-

¹ «Easyriders» (с 1970) — американский ежемесячный мотоциклетный журнал. «Forbes» (с 1917) — американский деловой журнал, публикуется дважды в месяц. «On Our Backs» (1984–2006) — первый американский женский эротический журнал для лесбийской аудитории. Название — пародия на радикально феминистскую газету «с наших спин» («off our backs?», 1970–2008).

определения, которое бы не сводилось к ее знаменитым серебряным сережкам. Сегодня она хочет изменить правописание своего имени на Бэтт, но ее беспокоят неловкие ошибочные произношения. Ро предлагает заменить последнюю *и* на *е*. Бетти отвечает, что поразмыслит над этим. Кстати, слыхала ли Ро, что Наташа уволилась наконец-то, как и собиралась, как слухи ходили, безо всяких сбережений, без парашюта, единственная страховочная сетка у этой девчонки в жизни — та, какую натягивает она на свои каштановые локоны, когда стоит у жарочного аппарата для картошки в «Макдоналдсе». Под шутливой манерой звенит неподдельная струна изумления и тревоги. Ро хочет рассказать Бетти, что и она сегодня чуть все не бросила, но колеблется, миг упущен, и Бетти уже сбилась на путаный каталог других Наташиных горестей: любовничек с лошадиными зубами, который спит с кем ни попадя, а перед приходом домой к ней даже помыться не удосуживается, синяки на руках и лице у Наташи, не такие уж и тонкие намеки на то, что Наташа и сама не прочь навещать чужие постели в других комнатах. Потому-то Бетти и работает. Встает, тащится в контору одно угрюмое утро за другим — лишь бы не терять нить своих баек. Возможно, однажды ее коллегам по бухгалтерии будет что рассказать друг дружке и о ней. Вероятно, о Ро какую-нибудь байку уже гоняют. Она отказывается вообразить подробности.

Повесив трубку, Ро остается сидеть на краешке высокой антикварной кровати — той, на которой и родилась. Из золотой рамки на облезлом бюро наблюдает Мама, глаза, как и на любом ее цветном снимке, когда-либо сделанном, — пара пылающих красных камней, незримых для обычного взгляда: лишь безжизненный фотоаппарат способен ясно и последовательно выявлять ее истинную бесовскую природу. На поцарапанном столе из красного дерева под окном присел на корточках грубый павлин, вырезанный из дешевой сосны неверной рукой, а к перегоревшей лампе прислонена незаконченная раскраска по номерам: холст

с пучеглазой коровой, который Мама купила в «Кей-Марте» в Мейсоне, Кентукки, в свое последнее — во всех смыслах — посещение кузена Дьюи. «Знаешь, — жаловалась она, — по-моему, они в эту коробку положили не все какие надо краски». Неделю спустя она перестала ориентироваться. Ее пугало движение ее ума. В самую темную пору ночи она раздирала себя когтями, стараясь пробудиться от удушающих видений потных стен и железных дверей. Под конец она уже ела «Клинекс», а свои сухие бесцветные волосы скручивала в пучки рептильных дредов. Походила она на старую и обезумевшую белую растафару.

Но Ро дурные мысли сегодня думать не полагается. Она себе слово дала. На работе тоже не ждали, что она — Злая Зелейница Запада¹ — заявляется на рабочее место, а у самой нервы прищпорены переизбытком кофе и смутное раздражение, какое лучше всего ей удавалось списать на «видеомагнитофонное похмелье». Накануне вечером они с Уайли посмотрели — по причинам, уже безнадежно невозстановимым, — три взятых в прокате фильма подряд, выбирал, разумеется, он, все соответствуют нынешнему циклу пуляй/гони/круши его строго ограниченных зрительских привычек. В первом — славные парни поймали гадких, но при поимке ужасно заразились гадостью, во втором — гадким парням удалось начисто оторваться, а в третьем — славные парни на самом деле с самого начала оказались гадами. Это визуальное буйство увенчалось грезой, которая портила ей сон и прилипла ко дну дня, словно комок чьей-то засохшей жвачки. Вот дом, и в доме — гостиная, в точности похожая на их комнату, мебель, украшения, суровое отсутствие цвета, неиспользуемые пепельницы во всех положенных местах, вот только дом, похоже, располагается где-то на живописнейшем пляже, дынный

¹ Имеется в виду Бастинда, отрицательная героиня сказочных романов о Стране Оз (1900–1920) американского писателя Л. Фрэнка Баума (1856–1919).

свет напоминает ей Калифорнию, хотя она там ни разу не бывала. Сама Ро — наверху, лежит в черных атласных простынях на кровати королевского размера, дремлет, и снится ей другой сон... про эту вот жизнь, быть может. Внизу темным силуэтом в стеклянной двери, выходящей на их террасу из секвойи и — по крайней мере, в этой вселенной, — на белый пустынный пляж, на пустой синий океан, стоит высокий мужчина, голый по пояс и в белых штанах. Мужчина этот — Уайли? Не разобрать. И все внимание ее то и дело отвлекается на стеклянный столик, в точности как у них, и все же нет, и на темный предмет, размещенный на нем с таким умением выстраивать композицию: неизбежный, непременный пистолет. Это заряженный автоматический, 45-го калибра, военного образца — таким знанием техники в бодрствующей жизни она не располагала. Ничто не движется. Это самая одинокая комната на свете. Сцена в ней сейчас начнется или только что закончилась? Кто этот человек, безразлично отвернувшийся от нашего пристального взгляда? Чей пистолет? Что здесь происходит? Почему ей не дают покоя все эти вопросы? Волосы спадают ей на лицо. Она решает начать вечеринку пораньше.

На кухне Ро смешивает себе дайкири по особому рецепту. Стоит у мойки, одной рукой тихо стискивая стойку, смакует выпивку. Сознание пропускает такт, и умственное пространство мгновенно обновляется, углы и края начинают обретать набивку, мысли убредают от вечеринки и оказываются в тупиках коридоров и затхлых комнатах без дверей, закидывают арахис один за другим себе в беззубые рты, бормочут солецизмы жизнеподобным очертаниям на обоях. Жуть берет. Уайли только пожал бы плечами, а вот она, как он утверждает, из нервных. Все говорили так и о Маме.

Недопитый стакан она жестко ставит на столешницу, как будто подзывая бармена. Телеэкран неистовствует насыщенной яростью послеобеденных мультиков. Она отодвигает заднюю дверь, и это — как выйти в теплицу.